

АНДРЕЕВ Леонид Георгиевич [23.6.1942, с. Елатьма Рязанской обл.] – поэт, член Союза писателей России (с 1973).

Судьба поэта складывалась непросто. Отец и мать были репрессированы, и он воспитывался в Касимовском детском доме. С самого раннего возраста проявилась страсть «книгочая». По свидетельству поэта, уже в детдоме у него была кличка «Учёный» за то, что под матрацем хранил небольшую библиотеку. Окончив ремесленное училище в Челябинске, А. работал на стройках, заводах, в геологич. партиях, плавал матросом по Енисею, пока не обосновался в Амурской обл. Годы странствий и жизненных испытаний закалили и сформировали характер поэта, позволили ему увидеть своими глазами многие уголки страны, полюбить её, завязать лит. знакомства во многих городах России.

Леонид Андреев.
Благовещенск, 1970-е гг.

С конца 1950-х стихи А. регулярно появлялись на страницах газет, альманахов, журналов «Юность», «Сельская молодёжь», «Дальний Восток», и сразу были замечены и оценены критикой. Хорошо отзывались о них Михаил Светлов, Лариса Васильева, Давид Самойлов. В 1961 подборка стихов А. была опубликована в коллективном сборнике «И снова зовёт вдохновение», где вместе с ним дебютировали Николай Рубцов и др. поэты, впоследствии определившие литературный облик эпохи. В 1960–1970-е Хабаровское кн. изд-во выпустило неск. книг поэта: «Смещение плоскостей» (1966), «Камертон» (1971), «Лицо родное» (1974), «Сердцебиение» (1979), а также книги стихов для детей.

С 1987 поэт проживает в Орехово-Зуево, является членом городского литобъединения «Основа» с момента его возрождения в 2001; принимал участие в работе студенческого лит. кружка «Ветви», посещал занятия лит. студии «Созвучие». В Орехово-Зуево он взял себе псевд. *Андреев-Селижаров*. За последние годы уже под псевд. были изданы поэтическая трилогия «Берег неба» (1994–1996), большие книги стихов «Русская Аватара» (2008), «Звёздный Часослов» (2010), переиздан в изначальном виде (без цензурных сокращений) и в старой русской орфографии сборник «Камертон» (2012), сборник в двух частях «Протопамять» (2013).

А. творит вот уже полвека. Разумеется, творчество его, сохраняя целостность общей картины, тем не менее, претерпело заметную эволюцию. В нём отчётливо выделяются два периода – условно говоря, *амурский* (благовещенский) и *подмосковный* (орехово-зуевский). Первый – период становления, выращивания зрелого мастера. Сборники, изданные в 1960–1970-е в Хабаровске, ни тематически, ни поэтически не выбивались из тогдашнего тренда отечественной поэзии. А. разрабатывал осн. темы, мотивы, интонации и ритмы «тихой» лирики. В поэзии А. нашли продолжение и разработку традиционные темы родины, природы, памяти, поэта и поэзии. Здесь он идёт по стопам классиков – Пушкина, Тютчева, Блока, Заболоцкого и в ногу с современниками – Рубцовым, Завальнюком.

В разработке темы природы и взаимоотношений с ней человека слышны отзвуки натурфилософии Заболоцкого: «На миг замри, пусть только сердце бьётся. / Молчи, склоняясь в ладони головой, / Пока твоё молчанье не сольётся / С Молчанием Природы неживой. // Быть может, в то короткое мгновенье / Услышишь ты, как стынут облака, / Земли и камня медленное пенье, / Движеньё звёзд и лепет лепестка».

В образе родины-женщины чувствуется переосмысленное блоковское начало. Родина – женщина, от которой поэт ждёт понимания и любви: «О, женщина, всегда люби меня, / Корми и хлебом, и слезами! / Я назову тебя по имени / Губами, сердцем и глазами. // О, Родина моя, пойми меня! / Не по-таким моим печалям. / Я назову себя по имени / Распахнутым российским даям» («Память»).

А. неутомим и в постижении «голоса медной старины», осмыслении древних эпических сказаний («На поле половецком», «Степь», «Пляч Ярославны»), и в создании современного эпоса («Кузница», «Пробудился ручей», «Перед севом», «Новый посёлок», «Рассвет» и др.). Из стихов А. вырастает эпический и пафосный образ России с героическим прошлым, настоящим и светлым будущим.

Отдельной «строкой» прописана в стихах поэта «малая» родина, но не рязанщина, как этого можно было бы ожидать, а Приамурье, где родился не сам поэт, а его первые стихи. Это роднит его с Леонидом Завальнюком, считавшим своей малой родиной не столько украинский городок Смелу, где он родился, а Благовещенск, где он впервые опубликовал свои стихи, где живут его друзья. Стихи А. также впервые увидели свет в Благовещенске: «Как ощущение полёта, / Природа родины моей. / Пусть освещённых окон соты / Повеют запахом полей. / Когда за Зейским перевозом / Протяжно пробасит гудок, /

Леонид Георгиевич Андреев с женой Натальей Петровной.
г. Орехово-Зуево, 2010.

Внезапно повлажняет воздух / И затуманится восток» («Ночной Благовещенск»).

С темой «малой» родины связан образ реки Зея («Зимний вечер на Зее», «Строительство ГЭС», «Ночь на Зее» и др.). Этот образ связан с биографией поэта. Приехав по комсомольской путёвке на Дальний Восток, А. перепробовал массу профессий: токарь, бетонщик, электросварщик, строитель – многие из них связаны с работой на Зейской ГЭС. Отсюда и конкретика производства, вписывающаяся в героическую парадигму советской производственной литературы: котлован – «как медведь в берлоге дышит» («Зимний вечер на Зее»), «могучий кран, не зная передышки, ворочает тяжёлую стрелу», автомашины – «натружено» гудят, «спешат по автотрассе у реки» («Строительство ГЭС»).

Появляется в амурский период ещё одна – важнейшая для творчества А. тема, которая по-настоящему «наберёт обороты» в последующие годы – тема поэта и поэзии. Пожалуй, это сквозная андреевская тема. Работая над ней, А. придерживается классической (пушкинской) традиции («поэт – пророк»). Его поэт – человек, с раннего детства наделённый божественным поэтическим даром, благодаря которому он может сеять «смутение в умах» людей, создавать гармонию между ними и окружающим миром. Позднее, когда А. увлёкся восточными эзотерическими учениями, пророческая, жреческая роль стала для него едва ли не единственной. Анализируя творчество А., его поэтическое кредо, исследователь и критик К. Булавкин резюмирует: «именно таким и должен быть настоящий поэт – не просто стихотворец, а визионер, провидец, пророк, маг, шаман, дервиш, которому в состоянии экстатического транс открыты все миры, весь универсум, вся Вселенная – от микроскопического атома до огромной галактики». «Паскалевский и тютчевский “мыслящий тростник”, – замечает К. Булавкин, – снова оживает в стихах А.»: «Предчувствие слова, любви и беды / Меня задевает слегка... / Как будто нечаянно сердце звезды / Царапает лист тростника».

Обращение к эзотерике и религиям Востока, по мнению К. Булавкина, углубили поэзию А., придав ей космизм и универсальность: «Формально и стилистически являясь органичным продолжением натурфилософской традиции классической русской поэзии, представленной именами Баратынского, Тютчева, Фета, Заболоцкого, лирика Андреева вместе с тем оказывается шире и глубже этой традиции, так как она опирается не только на достижения западной философии (Пифагор, Гераклит, Паскаль, философия жизни, экзистенциализм и многое др.), но и на древние учения Востока – концепции ведической мудрости, буддизма и даосизма».

Действительно, традиции древних религиозных и этических учений, идеи античных мудрецов, средневековых алхимиков, современных философов, – всё это сложилось в причудливую, неск. эклектичную мозаику поэзии зрелого А., взявшего на вооружение древнюю максиму Гераклита, в своё время уже переосмысленную Вл. Соловьёвым: «И из всего одно, и из одного – всё»: «Да, я есть только я. Но разве / Мы сами по себе живём? / По принципу Обратной Связи / Мы отражаемся во Всём».

ко не прерван, но, можно сказать, усилился. Но именно «благодаря этому», или во многом «благодаря этому», поэту удалось подготовить эту «полнометражную» книгу. Кроме того, автор в своём обращении обещает читателю, что скоро непременно начнётся работа с архивом, и поясняет – «уцелевшим после многочисленных, чаще всего вынужденных, переизданий» (с. 36).

Так, исподволь формируется читательское представление о нелёгком, витиеватом, тернистом пути поэта. Из вводных материалов-комментариев вырисовывается романтический образ одинокого, непонятого и не принятого современниками поэта-бунтаря, этакое Дон Кихота XXI века. Философы, учёные, художники и поэты, в один ряд с которыми ставит своего любимого поэта К.В. Булавкин – Н. Фёдоров, П. Филонов, В. Чекрыгин, Е. Честняков, А. Чижевский, В. Вернадский, Э. Циолковский, В. Соловьёв, В. Хлебников, Н. Заболоцкий, – были именно таковыми. Это, очевидно, и есть та «рамка», в которой должна «заиграть» поэзия Андреева. Хронологическое уточнение здесь как нельзя кстати, так как наш Дон Кихот не столь наивен, как его пращур – скорее, он играет в него, примеряя его доспехи. Но, на мой взгляд, играет слишком серьёзно, для того чтобы восприниматься всерьёз. Вот, например, самое начало:

Зная Всё и Вся,
Быть Собой нельзя.
Каждый Абсолют
Абсолютно лют.
(с. 40)

Авторская категоричность, выдающая абсолютную уверенность в собственной правоте, противоречит озвученному предостережению от абсолютизации любой истины. Активно не принимая «тысячелетие», которое стоит «на дворе», Андреев строго придерживается архаической учительской стратегии письма, сохраняя монологическую авторскую позицию, не допускающую разночтений. Рисунок этой стратегии выражается в избрании им жанра монологического высказывания:

Субъект – Объект, Одно:
Зенит Небес и Дно.
За Гранью Бытия
Проявлено Сверх-Я.

Провал или Перевал?
И я – не миновал...
Космический Субстант –
Богopodobный Квант.

(«За гранью», с. 111)

Я знаю Жизни Цель
И Тайну Бытия.

Как Выюга и Метель –
Душа и Мысль Моя.

Душе внимает Свет,
А Мысли внемлет Тьма.

Единственный Ответ –
Томление Ума.

(«Цель и Тайна», с. 379)

Постоянная игра антиномиями (Вечность-Миг, Добро-Зло, Свет-Тьма, Жизнь-Смерть и т.д.), одновременное прямое обращение к различным религиозным учениям (создающее впечатление эклектики), императивный синтаксис – всё выдаёт претензию на роль глашатая первых истин, властителя дум, нового пророка. Однаковольное обращение с религиозными категориями как христианства, так и язычества, восточной эзотерики опустошает их, превращая в абстракции, в лучшем случае – в поэтические символы, в худшем – в пустую шелуху, плеведа без зёрен. Так настоящее «мстит» поэту за пренебрежение им. Убегая от него, фрондируя, упорно обращая свой взгляд назад, в прошлое, Андреев, как сейсмограф, тем не менее, вольно или невольно выражает мировоззренческие и художественные интуиции своего времени: отчуждение от хаоса бытия – «Я устал смертельно от Химер! / Логоса руины и скелеты: / Посреди обрушившихся Сфер – / Словно мусор, Звёзды и Планеты. // <...> Как Пуруша Космос расчленён – / Умер Мир, погубило Мирозданье» («Крушение», с. 187); невозможность найти крепкую опору в чём-то одном (отсюда – обращение сразу к нескольким, в чём-то взаимоисключающим друг друга верованиям), разъедающую саморефлексию – «Воистину, и в радости скорбя, / Я занят изживанием себя. / За горизонт небесный ухожу, / Не покидая общую межу» («Перед жатвой», с. 210). Его писательское поведение также выдаёт в нём «героя нашего времени» – писателя, заботящегося о собственном имидже и сознательно творящего собственный биографический миф; многократно переписывающего и комментирующего свои тексты; привлекающего для их «продвижения» различные механизмы и «рекламные» стратегии. «Фон» и «портрет», «рама» и «картина», действительно, меняются местами. И всё больше хочется говорить не о самом тексте, а о том, как он «продан», потому что усилия «по продаже» едва ли не сравнялись с усилиями по написанию, что, собственно, тоже примета нашего времени.